

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЛАСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

М. В. Лебедева

Современные стратегии исследования власти в западной философии стремятся рассматривать ее прежде всего как социокультурный феномен, а не только как явление, принадлежащее исключительно политической сфере общественных отношений. Такой подход стал возможен после того, как в трудах М. Фуко устанавливается понимание природы власти, не ограниченное рамками полномочий того или иного социального института или конкретного правителя. Анализируя власть, Фуко начинает с анализа конкретных форм подавления, как они представлены в истории развития форм организации социального управления. Процесс осуществления уголовного права в XVI–XVII веках тесно связан с применением телесных наказаний. Власть здесь представляется как собственность одного лица или группы лиц (монарх, правящий класс), как сила, иерархически исходящая из единого центра, как абсолютная привилегия государственного аппарата. Фигура суверена выступает гарантом власти принуждения. Радикальные изменения происходят с середины XVIII века. С этого момента начинается изменения механизма власти, создания новой политики, формирующей повседневную жизнь индивида путем распределения его тела и энергии. В этот исторический период происходит изменение техник власти: карательная власть становится дисциплинарной и начинает основываться уже не на боли, а на знании силовых ресурсов тела и умении их использовать. Таким образом, любая власть обнаруживает две функции: надзирать и наказывать, следя за тем, чтобы преступление не произошло либо чтобы избежать рецидива. Говоря о функции «надзора», Фуко отмечает, что дисциплинарная власть начинается с перемещения индивидов в замкнутом пространстве. Фуко подробно описывает подобные модели организации пространства на примере работных домов для нищих, колледжей, тюрем, школ, где начинает утверждаться монастырская модель. Также важен принцип разграничения и огораживания пространства, когда дисциплинарная власть стремится к разложению групп на элементарные составляющие и пытается максимально использовать ресурсы каждого индивида. Для объяснения характера функционирования дисциплинарной власти Фуко обращался к образу паноптикона И. Бентама [3, с. 293]. Паноптическое устройство организует пространственные единицы, позволяя

постоянно видеть их и немедленно распознавать. Привести этот механизм в действие может практически любой, даже случайно выбранный индивид. Цель паноптикона заключается в том, чтобы привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти. Важно не только наблюдать, но и достигать осознанности заключенного, чтобы он постоянно ощущал себя в качестве поднадзорного и знал об этом, не зная, когда конкретно это происходит. Как следствие применения подобного механизма власть становится видимой и одновременно недоступной для проверки. На образе паноптикона Фуко демонстрирует, как механизмы власти функционируют в социальном пространстве. Власть обеспечивает тотальный контроль над пространством, которое начинает превращаться в «таблицу». Идея паноптизма не замыкается рамками определенного архитектурного строения, но проникает в общественные институты, характеризует дисциплинарное общество в целом. Человек в таком обществе начинает вести себя так, как если бы рядом постоянно находился кто-то другой, что сводит к минимуму вероятность совершения преступления.

Далее нами будет предпринята попытка применения методологии, разработанной М. Фуко на таком культурно-историческом материале, как история города. Город представляет собой территорию или пространство, которое организует, упорядочивает и формирует индивидуальное тело. Функции города, его структура и характер его среды меняются по мере развития общества. Социально-экономические факторы, будучи движущей силой развития городов, определяют некоторые свойства города: концентрация на ограниченном пространстве больших масс людей вместе со средствами их существования, а также структурное единство. Это характеризует город на различных этапах его исторического существования как особую форму материальной среды, связанную с определенной совокупностью общественных функций.

В античном полисе все пространство города было организовано с целью интенсивного приобщения к общественной жизни всех свободных граждан (горожан). Поэтому центральное пространство («агора») всегда отдавалось под место сбора горожан. Эта тенденция организации пространства города и его застройки оставалась преобладающей для всех городов-провинций и для периферийных, окраинных районов как греческой, так и римской империи даже после их падения. Взаимодействие между социальной организацией и пространственной

структурой городской среды в средневековом городе было выражено еще более очевидно, чем в античном. Над общей застройкой города возвышались мощные объемы соборов и ратуш, которые являлись символическим выражением власти – духовной и светской. Улицы, стекавшиеся к геометрическому центру, поблизости от которого находились наиболее значительные здания, были узкими; и только перед собором или зданием городского самоуправления застройка расступалась, оставляя место для площадей – средоточий общественной жизни. Изменения в строении городов происходят с середины XVIII века с дальнейшим развитием капиталистических отношений и связанным с ним процессом накопления богатств [1]. К концу XVIII века формируется такой тип общественной структуры, как дисциплинарное общество. В это время возникает стремление упорядочить среду городов и внести ясные геометрические закономерности в ее пространственную организацию. Возникает микрофизика власти. Первым следствием промышленной революции было пространственное отделение труда, связанное с машинным производством, от других жизненных функций; в результате подобного рода специализации пространства складываются промышленные районы и производственные комплексы. Система городов стала распадаться на две резко различающиеся части: предназначенную для производства и тех, кто с ним связан, и потребителей, т.е. господствующий класс. Сама структура городского пространства начинала резко меняться. «Закономерные радиально-концентрические системы, сложившиеся в предшествующем развитии, растворялись среди аморфной, бесформенной массы кварталов, получавшей примитивную планировку» [2, с. 30]. К концу XIX–началу XX века для городов Западной Европы и России типичным стал городской квартал со сплошной застройкой по периметру со 6–7-этажными домами. Смыкающиеся между собой корпуса внутри квартала оставляли свободными только узкие световые дворы. Такие кварталы служили для осуществления функций пространственного контроля со стороны власти. При этом возникали дополнительные коннотации, связанные с реализацией такого рода стратегии надзора и дальнейшей их формализацией в виде сопутствующей идеологии. В итоге обслуживающий персонал и даже весь контингент «второго порядка» (пресловутый «рабочий класс») рассматривался в качестве потенциального преступника, притягающего на перераспределение средств производства, социальных полномочий и т. п. Городское пространство закономерно расчленялось по функциональному признаку. Процесс

разделения в пространстве различных городских функций регулировался коммерческой рентабельностью каждой части городской территории с присущими ей особенностями для размещения зданий определенного назначения. Осуществление лучшего контроля со стороны власти, ее дальнейшей экспансии в глубину социальной структуры и социокультурного пространства в целом стало возможно в результате перестройки городов, их объединения в крупные мегаполисы и усиления тенденции к дальнейшей урбанизации. Наиболее значительной попыткой преодолеть нарастающую хаотичность городской среды в XIX веке была реконструкция Парижа (1853–1869). Город, население которого превышало миллион жителей, был рассечен длинными прямыми улицами. Систему связанных перспектив новых улиц авторы реконструкции ввели для упорядочения визуальных качеств городской среды и внесения в нее ясной ориентирующей системы. Однако определенная структура вносилась лишь в центральные зоны городов, в то время как окраины теряли форму из-за беспорядочного строительства. Влияние реконструкции Парижа оказало огромное влияние на дальнейшее градостроительство. Прямая улица-коридор стала непременным атрибутом большого города и образцом для всей реорганизации городского пространства. Город теперь понимается как огромный механизм, который должен контролироваться. Организация жизненной среды современного города также во многом организована по принципам паноптизма. Здесь приходится иметь дело не просто с беспорядочным потоком людей, который необходимо организовать, но со множеством индивидов, которым необходимо навязать определенное знание – нормы и ценности, определяющие форму поведения и стиль жизни. Во многих архитектурных строениях, особенно предполагающих большое скопление людей и их индивидуализацию, используется модель паноптикона. Наглядным примером подобной организации являются такие учреждения, как офисы, банки, рестораны fast food, строение метрополитена. Зеркальная непроницаемость банков, отдельных касс обмена валюты не позволяет клиентам видеть, что происходит «за стеклом», однако он сам находится под наблюдением. Итак, каждый клиент рассматривается как потенциальный преступник (грабитель), за которым устанавливается явное либо скрытое наблюдение. Чаще всего пространство внутри банков организовывается таким образом, что к кассе не могут подойти более одного-двух человек для наилучшего визуального контроля. Также контроль осуществляется посредством видеокамер, которые располагаются (на

первый взгляд) в незаметном месте. Таким образом, любая часть пространства постоянно находится под контролем. Каждый посетитель, клиент, заходя в здание, попадает в поле зрения камеры.

В итоге современный город предстает как продукт непрерывного воздействия властных технологий, среди которых особое место занимают те из них, которые направлены на выполнение функций пространственного контроля. Для анализа специфики функционирования и определения эффективности применения этих технологий в различных фрагментах социокультурного пространства города наилучшим образом подходит концепция паноптизма, разработанная М. Фуко в его «генеалогии власти».

Литература

1. *Линч К.* Образ города. М., 1982.
2. *Формирование городской среды.* М., 1973.
3. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999.

ПРОЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ МАКСА ШЕЛЕРА

В. Э. Нарижный

В начале XX века в философии возросло внимание к вопросам социальной антропологии. С одной стороны, это было вызвано стремительным общественным развитием, приведшим к потрясениям 1-й мировой войны и Октябрьской революции. С другой – эволюцией собственно философской мысли, столкнувшейся в этот период времени с проблемой, суть которой в предельно сжатом виде можно, пожалуй, выразить, сопоставив два знаменитых постулата Достоевского и Ницше: «Если Бога нет, то все дозволено» и «Бог умер», а также два не менее знаменитых образа этих же мыслителей – Великого Инквизитора и Заратустры. Следует ли согласиться с этими постулатами и тем самым с выводами из них? Как соотносятся между собой свобода, человек, Бог? В каком направлении и каким образом должно эволюционировать в связи с этими отношениями общество? Свой, во многом определивший развитие философии XX века, ответ на эти вопросы попытался дать немецкий философ Макс Шелер (1874–1928), основатель философской антропологии.

В основание антропологии мыслителя положена идея о трансцендентном, внеэмпирическом корне человеческой природы. Для него человек – единственное существо, способное дистанцироваться от окру-